

34 Там же. С. 340.

35 *Макарий, митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 6 — 7.

36 Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т. 31. С. 144; То же. Т. 14. С. 147. См. также: Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588 — 1594 гг. М., 1988. С. 39 (Ротапринт).

37 Интересно, что в XVI веке в связи с царским венчанием было установлено достоинство среди настоятелей монастырей. В одной рукописи читаем об этом: „Тогда же царь государь дал Троицкому игумену Ионе Сергиева монастыря место под Чудовским архимандритом, а Кирилловскому игумену Афанасию подо Андрониковским архимандритом, а Пафнутиевскому Иосифу под Богоявленским игуменом, а прежде того игумену в местах не бывали“ (Цит. по: *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.-Л., 1955. С. 113). См. также: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 180.

38 [*Соколов П.К.*]. Учреждение Патриаршества в России, в 1589 году // Прибавления к изданию творений святых Отцов в русском переводе. 1859. Ч. 18. С. 298.

39 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 96.

40 *Макарий, митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 42. См. также: Учреждение Патриаршества в России в 1589 году // Прибавления к изданию творений святых Отцов в русском переводе. М., 1859. Ч. 18. С. 297 — 298.

41 *Порфирий (Успенский), архим.* Деяние Константинопольского собора, 1593 года, которым утверждено Патриаршество в России // ТКДА. 1865. Т. 3. С. 237 — 248. См. также *Фонкич Б.Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // *Cyriilomethodienum. Thessaloniki*, 1987. Т. II. P. 9 — 31.

42 *Макарий, митрополит Московский и Коломенский*, история Русской Церкви. Кн. 6. С. 48.

43 *Райский А.* Церковно-политическая деятельность русских Патриархов // Учебно-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской Духовной Академии LXII курса (1909 г.). Киев, 1910. С. 141 — 183.

44 *Гзов К.Д.* Всероссийский Патриарх Иов — первый русский Патриарх // Странник. 1895. № 6-7. С. 177 — 186; *Феофилакт (Моисеев), иером.* Святейший Патриарх Иов и его первосвятительская деятельность. Загорск, 1984 (Машинопись); Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 1: Л-К. М., 1988. С. 415 — 420.

45 *Скубачевский П., прот.* Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, и его служение Отечеству в Смутное время // Вера и разум, 1912. № 4. С. 443 — 446; № 5. С. 628 — 640; *Вертеловский А.* Патриарх и его заслуги для Отечества. Вера и разум. 1912. № 22. С. 506-526; № 23. С. 696 — 711; № 24. С. 894 — 905; *Затоляев А.* Святытель Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, автор Повести о явлении и чудесах Казанской иконы Пресвятой Богородицы // ЖМП, 1979. № 7. С. 72 — 78: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI вв.). Ч. 1: А-К. Л., 1988. С. 153 — 163.

46 *Макарий, митрополит Московский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 275 — 314; *Чернышев С.* Царь Михаил Федорович и Патриарх Филарет Никитич Романовы в их взаимных отношениях // ТКДА. 1913. № 7 — 8. С. 374 — 440; *Покровский А.А.* Патриарх Филарет Никитич. М., 1913.

47 *Макарий, митрополит Московский*. История Русской Церкви. Кн. 6. С. 314 — 325.

48 Там же. С. 325-369; Heller W. Die Moskauer „Eiferer für die Frömmigkeit“ zwischen Staat und Kirche (1642 — 1652). Wiesbaden, 1988. S. 149.

49 [*Лаишкарев П.*]. Патриарх Никон. Восшествие Никона на Патриаршество Московское // ТКДА, 1860. Кн. 2. С. 131 — 168; *Михайловский С., свящ.* Святейший Никон, Патриарх Всероссийский // Странник, 1863. № 7-9. С. 15-362; Жизнь Святейшего Никона, Патриарха Всероссийского. М. 1878; *Макарий, митрополит Московский*. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов // Прибавления к изданию творений святых Отцов. 1882.4.29. С. 1 — 116; *Лебедев Л., прот.* Патриарх Никон. Очерк жизни и деятельности // БТ. М., 1982. Сб. 23. С. 154 — 199; Сб. 24. С. 139 — 170.

50 *Боголюбовский М., прот.* Московская иерархия. Патриархи. М., 1895. С. 29 — 30; *Четыркин Ф.В.* Жизнеописание Святейших Патриархов Московских и всея России; СПб., 1892. С. 78 — 82.

51 *Попов М.Г.* Материалы для истории Патриарха Московского Пигриина. М., 1895.

52 *Гаурилов А.* Литературные труды Патриарха Иоакима // Странник, 1872. 4.1. С. 89 — 112; Жизнь и завещание Святейшего Патриарха Московского Иоакима. СПб., 1879 (ОЛДП, вып. 47); *Смирнов П., свящ.* Иоаким Патриарх Московский. М., 1881; *Дашевский П., свящ.* Церковная деятельность Всероссийского Патриарха Иоакима. Пермь, 1959 (Машинопись).

53 *Скворцов Г.А.* Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII в. Казань, 1913.

Наши ровесники из Бутырки

Вот уже несколько лет священник Павел Вишневский, настоятель московского храма преподобного Феодора Студита, что у Никитских ворот, окормляет заключенных Бутырской тюрьмы. Раз в неделю неопустительно посещает он следственный изолятор, исполняя свой христианский долг, по слову апостола: *Помните узников, как бы и вы с ними были в узак* (Евр. 13,3).

Мы надеемся, что опыт, которым делится с нами о. Павел в публикуемой беседе, окажется небезполезным для тех, кого Господь в будущем сподобит нести нелегкое бремя пастырского служения.

— Сейчас некоторых наших студентов направляют для беседы с заключенными в тюрьму. О чем может говорить студент, не имеющий священного сана?

— Вы знаете, как ни странно это может показаться, но не так важно, кто туда идет — священник, студент или мирянин. Нужно прежде всего иметь открытое сердце, откликающееся на человеческое страдание. Вы должны чувствовать себя так, как будто вы посещаете тяжело больного человека, придя к которому сам не знаешь, как его можно утешить. Не так важно, о чем вы будете разговаривать, — хотя вы встретите там, возможно, ваших ровесников, людей одного с вами возраста. Важно, чтобы эти люди не были вам безразличны.

Я вообще сторонник того, что идти на контакт с заключенными должны люди, которые этого хотят, которые чувствуют себя способными. Если вы студент, то вы можете рассказать о себе, поделиться трудностями... Вот, у вас тяжелая нагрузка, как в армии: длинные уроки, дисциплина; как в армии — землячества... И тогда общение приобретет конкретный смысл, за который можно будет зацепиться.

— А какие трудности приходится испытывать тем, кто с проповедью Слова Божия впервые переступает порог тюрьмы?

— Есть один весьма существенный момент, на который мне хотелось бы обратить ваше внимание. Понятно, что вы не пойдете туда с пустыми руками. Однако если вы знаете, что в камере сидит десять страдальцев, то подарков нужно брать на двадцать человек. Ведь есть еще и охранники. Вы идете не только к заключенным, но и к тем, кто в тюрьме работает, кто этих людей охраняет. А бывает к примеру так: приезжают иностранцы, раздадут зекам апельсины, а коридорная говорит: “Этим, которые грабили, убивали, — апельсинчики, а я буду нюхать крошки? В следующий раз не пушу!” Без добрых отношений с администрацией вы вообще ничего не сделаете. От них зависит реальная, конкретная тюремная жизнь, в которой каждая бытовая мелочь сразу становится весомой. Например, нет в камере воды — и администрация решает дать шанг на час, это значит, что заключенные смогут помыться, постирать, или же на пять минут — выпить стаканчик воды и все.

Здесь не нужно бояться сотрудничества. Пусть тот, кто ведет себя нормально, получит два апельсина, а кто зверствует, матерится, — тому пусть достанется корка — чай заварить. И в этом будет стимул, воспитательный момент — как в школе, где администрация тоже имеет большое значение. Многие можно оставить на ее усмотрение...

— А как складывались Ваши отношения с тюремной администрацией?

— Отношения закладывал отец Глеб Каледа. Он был человек огромного житейского опыта: прошел войну, долгое время работал врачом... И хотя начал он с нуля, но многое успел сделать. В то время здесь еще работали приличные люди. А теперь, после того, как перестали выплачивать зарплату, все изменилось. Когда за свой неблагодарный и тяжелый труд человек по полгода не получает ни копейки, он неминуемо ожесточается. Прибавьте условия: все старое, обветшалое, трубы текут, все покрыто плесенью... А запах — немытого тела, гноя, гниющей одежды. В камерах жутко накурено. Омерзительное питание, отсутствие возможности дышать свежим воздухом — отсюда болезни: туберкулез, чесотка, гепатит, дифтерия. И вот, работают здесь в основном приезжие, да и те не задерживаются надолго. Они хорошо усваивают то, что руки нужно мыть с бактерицидным мылом, но помощи вы от них не получите... Те, кого они охраняют, им в лучшем случае безразличны.

— Есть ли какие-нибудь духовные потребности у заключенных?

— Когда человек сидит в одной и той же камере год, два, три, то у него появляется желание или даже духовный голод чем-то заполнить ту пустоту, которая его окружает, что-то выучить, прочитать... К ним приходят протестанты, "Армия Спасения", "Духовная Свобода", приносят брошюры. Они узнают, как апостол Павел путешествовал, как его в корзине опускали... Пройдя определенный курс, получают свидетельство. А дальше они начинают спрашивать — что мне с этой бумажкой делать, что это значит — я прошел первый курс изучения Библии, да? И на этом все останавливается... Мы же должны быть катехизаторами в полном смысле этого слова. Хотя и нам необходима специальная литература (и для каждого возраста своя), но без практического преломления эти знания теряют смысл. Ведь когда их приводят на службу, они ничего не знают. А на исповеди рассказывают, что, вот, была у него жена, он ее убил. Плохая была.

Им очень не хватает человеческого общения, просто человеческого отношения, ведь никто с ними не разговаривает. Они, как сироты...

— Но часто, когдаходишь к ним, видишь безразличные, угрюмые лица. Они как бы спрашивают: "И вы тоже — поговорите и уйдете? Поговорите и мы вас больше никогда не увидим?"

— Они должны быть уверены в человеке, знать его как личность. Закрытость в их положении явление закономерное. Ведь это не просто тюрьма, где человек отсиживает свое на нарах, а следственный изолятор, где за каждое слово могут набавить год или два. Поэтому они очень осторожны... Пока они не удостоверятся в вас, будут вести ничего не значащие разговоры — дай крестик, свечку дай...

Потом, у них развивается особая чуткость. Если вы приходите поучать, то ассоциация у них возникает совершенно определенная. Вы же знаете, как их учат — бьют сапогами. И они реагируют — не надо нам ничего рассказывать и показывать, мы сами с усами...

— То есть контакту надо научиться?

Ответ: Для контакта нужно, чтобы открыли камеру, впустили вас, закрыли и сказали: через час мы придем. Чтобы просто была возможность сидеть там, пить чай... А если вы стоя разговариваете — то это даже психологически трудно. Для серьезного разговора нужно сесть. А дальше все очень индивидуально. Когда он видит священника, у него возникает эмоция: красивый крест, из чего он сделан и т. д. Потом: дай мне крест, я хочу твой крест надеть. То есть для священника совершенно непривычные просьбы. А их это очень волнует. Он может два часа тебя уговаривать, чтобы ты дал ему крест одеть.

А кто-то говорит: я художник, хочу иконы писать. И вот если ты придешь и прориси ему принцесс! — Для него это очень важно может быть — они берут, например, репродукцию Сикстинской Мадонны или Моны Лизы и рисуют нимб — получается пародия — и жалко, и смешно смотреть. А если размножить и принести прориси икон святителя Николая — самые простые, доступные — в их среде это начинает распространяться. Можно показать, как четки плести — самые простые, элементарные вещи. Я обратил внимание на то, как у нас в храме праздник проходит — важен не столько сам праздник, подготовка к нему — это так сплавливает людей. В первую очередь нужны конкретные вещи. Когда ты это поймешь, тогда начнется контакт. А если есть контакт, тогда он спрашивает: “А почему нельзя воровать?” — А так его не убедишь...

— Многие испытывают неприязнь к этим людям и как-бы бояться замараться общением с ними..

— Это совершенно такие же люди, как и мы с вами. Все что ни происходит с человеком — от Господа. Сейчас Господь его остановил. И многие это понимают и говорят: “Слава Богу, что я попал в тюрьму.” Вот он по глупости украл что-то, и только здесь его осенило, что это было совершенно напрасно... Много людей психически нездоровых (около 60%). Их надо лечить, а они сидят в тюрьме. Например, у него было трудное детство — отец алкоголик стукнул головой о стену. Человек вообще мало что понимает: куда попал? А никто не будет им заниматься. Около миллиона человек выключены из жизни. А ведь, выйдя из тюрьмы он будет жить рядом. Ежедневно из 900 колоний по 3 — 4 человека вливаются в наше общество. А у нас никто не думает — сможет ли этот человек вернуться, нормально жить. И часто они не знают, куда идти...

— Действительно, они становятся изгоями общества... А были ли у вас случаи, когда такой человек приходит к своему бывшему катехизатору и говорит: “Я никак не могу устроиться, что мне делать?”

— Работу они могут найти. Но в обществе нет к ним доверия: он пьянствовал — он будет снова пьянствовать. И все хотят от него избавиться, никто не хочет такого человека принять. Конечно, если он сам не хочет остановиться, никакой катехизатор не поможет. Но Церковь должна одного из тысячи находить. Ведь проблема в том, что человек оказывается никому не нужным, никто не относится к нему по-человечески, поэтому он и пить начинает. А если он попадает в другую среду, например, братство или монастырь, где люди принимают его с открытой душой, то человек исправляется. Ведь они очень рукодельны, очень целеустремленны. Они в колонии научаются все делать. Если он моет пол, то моет его изо всей силы. Но должен почувствовать, что его любят, что он здесь наравне с другими, что, когда он садится за стол, ему не одолжение делают, что он

этот хлеб заработал. Тогда такие отношения становятся очень важными, потому что эти люди очень выделяют доброту к себе. И вот если он дворник, то двор у него будет блестеть, если плотник, то все будет очень добротно сделано.

— Многим ли заключенным выносятся смертный приговор?

— В этом году у нас было больше смертных казней, чем когда-либо — 85. А преступность возросла вдвое, в то время как на Западе с отменой смертной казни преступность упала. То есть эти явления как-то парадоксально связаны друг с другом, хотя закономерностей никто не изучал.

— Как вы, будучи церковным человеком, относитесь к узаконенной государством смертной казни?

— Отец Глеб говорил: “Да, преступление совершил не человек, а, можно сказать, зверь. Но потом он одумался, раскаялся, крестился, и он — истинный христианин. И государство убивает уже совершенно иного человека”. И, вы знаете, иногда перед казнью он говорит: “Достойное по делам моим принимаю”.

Этот вопрос очень серьезный. Главное, конечно, профилактика подобных преступлений. Но я считаю, что делать этого не нужно.

— А вам доводилось служить в камере смертников?

— Я служил в этом году в коридоре смертников на Рождество. Я кратко исповедовал, много не говорил.

— А что можно сказать о человеке, которого ждет смерть?

— Многие говорят: “Я поверил в Бога, когда услышал свой смертный приговор”. Они надеются на то, что будут помилованы. В человеке никогда не умирает такая надежда.

— А что священник в таком случае может сказать?

— Это особая ситуация... Их на прогулку не выводят, они ни с кем не общаются. Если в тюрьме атмосфера замкнутая, то там тем более. Они сидят в подвальном помещении, все с ними очень грубо разговаривают... Но если на вас смотрит просвещенное Крещением лицо, если к вам обращаются полные любви глаза смертника, в недавнем прошлом убийцы, то, хотя как человек вы и не знаете, что сказать, но Господь дает священнику нужное слово... И память об этом лице и этих глазах вы будете носить в своем сердце всю свою жизнь...

С о. Павлом беседовал

послушник Олег Добронравов, III курс МДА